

Новая встреча с прославленным театром

Почти сорок пять лет прошло с тех пор, как я, тогда еще молодая актриса Малого театра, впервые присутствовала на спектаклях старейшего французского театра «Комеди франсез». Незабываемые дни в Париже: великолепное здание театра, простое и величественное, великодушное искусство — приподнятое, патетическое, эмоциональное... Ряд спектаклей «Дома Мольера» просмотрела и тогда.

Эти воспоминания воскресали в памяти, когда дрогнул и пошел в стороны занавес родного мне Малого театра, осененный в этот вечер с двух сторон государственными флагами Франции и Советского Союза. Уже с первой минуты спектакля «Тартюф» меня поразило то, что существенно отличает его от постановки «Тартюфа», шедшей в 1909 году. Это — художественное оформление. Свято храня мольеровскую традицию играть весь спектакль в одной и той же декорации, с тщательностью, бережно передавая стиль эпохи, театр все же несколько изменил оформление. И дело не только в том, что оно стало менее скучным, менее лаконичным, — оно приобрело большее бытовое правдоподобие. Оно не только объясняет, где происходит действие, оно воссоздает подлинную, волнующую своей подлинностью картину быта семьи Оргона, а через эту картину и весь облик Франции той эпохи.

Изменилось, с моей точки зрения, и актерское искусство труппы «Комеди франсез». В нем появились новые черты, сближающие его с реалистической школой, с теми принципами, которые утверждал на театре Щепкин. В то же время искусство

французских актеров сохранило и свое неповторимое своеобразие — изящную пластику, простоту мизансцен, некоторую приподнятость. Сохранило присущее ему превосходное владение сценической речью.

Речь — прекрасная французская речь — блестящая и мелодичная, стремительная и напевная — увлекает в спектакле прежде всего. Звучные каскады голоса Жака Ионеля, обаятельный мягкий говор Берт Бови, смелая, приподнятая речь Беатрис Вретти сочетаются в своеобразном оркестре, которым руководит невидимая рука режиссера г. Леду. Великодушны парные диалоги; особенно хороша сцена обольщения Тартюфом Эльмиры. На первый взгляд она кажется даже статичной: почти на авансцене в кресле сидит Эльмира, возле, чуть позади, — Тартюф. Но так велик накал страстей, так велико внутреннее напряжение, так стремителен диалог, что сцена эта представляется своеобразным состязанием, битвой на тонких, но остро отточенных шлагах. Состязанием лукавства с прямотоном, ханжества и лжи с подлинной добротой и честностью.

Вот Тартюф — Жак Ионель осторожно и скромно присаживается рядом с Эльмирой — Анни Дюко, вот он обращает глаза к небу, словно призывая его в свидетели чистоты его чувств, вот, плотоядно улыбаясь, касается жадно растопыренными пальцами шелковистой ткани платья, вот тянется рукой к белоснежной шее героини. И говорит, говорит... То медоточиво воркует, то нагораясь страстью, то убеждая, проповедуя, то моля. Тончайшими оттенками голоса, ритмом фразы, ее мелодикой передает артист — блестящий мастер — все оттен-

ки чувств своего героя, все переходы мысли, движения души.

«Дом Щепкина» — Малый театр — всегда гордился искусством слова своих величайших мастеров. И семья Садовских — Пров Михайлович и Ольга Осиповна с их пропитанной простотой речи, и Мария Николаевна Ермолова, чей глубокий волнующий тембр голоса остался навеки в памяти тех, кто когда-либо слышал ее, играли на его сцене. Гости наши привнесли в искусство звучащего слова нечто своеобразное. Это блестящая внешняя техника произнесения мольеровского стиха, умение четко, ритмически построить диалог, донести до слушателя текст, сказанный даже типичным шлоутом, умение слушать партнера, а это значит — жить на сцене. В то же время виртуозное внешнее мастерство лигды и амикога не становится у французских актеров самоцелью. Оно лишь средство воплощения характера.

Трактовка роли Тартюфа Жаном Ионелем — это не просто крупная удача спектакля, это событие в истории театра Мольера. На моей памяти в спектаклях великого комедиографа играли ведущие мастера Малого театра. И толкование образа Тартюфа Жаном Ионелем напомнило мне трактовку этой роли великими русскими актерами.

Искреннее восхищение вызвало чтение Жаном Ионелем «Слова к Мольеру», в котором проявилась чисто французская манера декламации — чудесной, тонкой, лиричной какого-либо нажима или фальшивого пафоса.

Достоинными партнерами вдохновенного художника, как хочется назвать Ионеля,

предстали в спектакле Анни Дюко — изящная, элегантная Эльмира, Анри Роллан, сумевший преодолеть некоторую дидактичность роли Клеанта и передать его порой риторичные диалоги с подлинной живостью, Андре Фалькон (Дамис), продемонстрировавший большое мастерство произнесения активных, стремительных тирад, а также исполнители ролей Марианы и Валера (Мишелин Буда и Жан-Луи Жемма).

Особо хочется говорить мне о старшей артистке театра — Берт Бови, с очаровательной непосредственностью, огромным обаянием сыгравшей роль госпожи Пернель.

Прочтение роли Доринны чрезвычайно важно для спектакля. Я ощутила это на себе, когда играла эту роль на сцене Малого театра. Именно потому, что в моей памяти так живо воспоминание об этой роли, я следила за талантливой артисткой Беатрис Вретти с пристальным вниманием. Трактовка французской актрисы показалась мне несколько неожиданной — ее Доринна старше, чем мы привыкли видеть на русской сцене, умудрена жизненным опытом. И это хорошо. Особенно удачно проведены ее сцены с Валером и Марианой и с Оргоном. Хотелось бы лишь пожелать актрисе немного большей живизерастности.

Первый спектакль, показанный французским театром в Москве, — спектакль мольеровский — говорит об общности художественных традиций в работе над произведениями великого комедиографа, традиций «Дома Мольера» и «Дома Щепкина».

Е. ТУРЧАНИНОВА,
народная артистка СССР.